

НАУКА ДЖАЗА И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

Д.М. КАБАЛЕВСКИЙ

МЫ ДО СИХ ПОР очень мало внимания уделяли «легкой музыке», и не удивительно, что именно в этой области скопилось особенно много нерешенных вопросов, неясностей и противоречий. Более всего это относится к джазу. Приведу лишь один пример: два письма, которые я получил сравнительно недавно.

В первом из этих писем педагог из Донбасса требует полнейшего изгнания джаза во всех его формах и видах. Единственная характеристика, какую автор письма считает возможным дать джазу, сводится к тому, что джаз — «духовное оружие империализма». В своем ответе я пытался, насколько это было в моих силах, убедить своего корреспондента в его неправоте. Я написал ему, что видел в своей жизни и продолжаю видеть бесконечное число отличных девушек и юношей, любящих джаз, и что джаз не оказывает никакого влияния на их мировоззрение, на их духовный мир. Я написал даже (вероятно, очень огорчив его этим), что сам люблю и послушать хорошую джазовую музыку, и потанцевать под джаз и никогда при этом не чувствую себя духовным оруженосцем империализма!..

А вот второе письмо. Написано оно от имени группы студентов одного из крупнейших вузов нашей страны, задумавших организовать студенческий джаз-клуб. Ну что ж, клубы бывают разные, может быть и джаз-клуб, хотя естественнее был бы, пожалуй, клуб любителей музыки вообще, а не только джазовой музыки — к чему такая односторонность? Но более всего в этом письме смущала меня программа, которую ставят перед собой организаторы клуба: пропаганда «в самых широких размерах» джазовой музыки не только в своем вузе, но и в других вузах, на предприятиях и в сельских местностях. И не только в Москве, но и в «других городах Советского Союза». Генеральная программа этаккой, я бы сказал, тотальной джазификации страны! И если педагог из Донбасса считает, что джаз не может быть охарактеризован иначе, как «духовное оружие империализма», то студенты крупнейшего вуза утверждают, что выдвигаемая ими программа широчайшей пропаганды джаза поможет осуществить выдвинутую новой Программой КПСС задачу о всестороннем и гармоничном развитии человеческой личности. Я с большим интересом жду беседы с этими студентами и очень надеюсь, что мне удастся убедить их в неразумности такого одностороннего подхода к музыке.

Жизнь человека очень сложна и состоит из очень многих слагаемых. В основе жизнь, если так можно сказать, очень серьезна: это труд и борьба, это любовь и дружба, это глубокая мысль и сильное чувство, это драматические конфликты и трагедийные ситуации, это события, потрясающие не только жизнь одного человека, но и жизнь целых народов и даже всего человечества. Но есть в жизни и другое: есть улыбка, есть смех и отдых, есть желание развлечься и потанцевать. И зачастую трудно бывает сказать, где в жизни кончается «серьезное» и где начинается «легкое».

Все эти стороны жизни, все ее многообразные слагаемые находят свое выражение

в музыке — в серьезной и в легкой. И зачастую, в музыке, как и в жизни, трудно бывает точно определить, где тут проходит грань. Нам, композиторам, трудно бывает определить это иногда не только по отношению к чужой, но даже к своей музыке. Недавно один из слушателей во время беседы спросил, к какой музыке — легкой или серьезной отношу я свою «Серенаду Дон-Кихота». Признаться, я так и не смог ответить на этот вопрос.

Я считаю, что отрицание легкой музыки — такое же нарушение естественного отношения к жизни, как отрицание музыки серьезной. Люди, не понимающие легкой музыки, чаще всего бывают людьми скучноватыми. Но в этом, конечно, ничего страшного нет. Хуже представляется мне другая крайность. Люди, чьи эстетические потребности исчерпываются развлекательной музыкой, часто напоминают мне тех, кто был бы счастлив, если б вся жизнь состояла из одного отдыха, веселья и шуток. Вот почему я считаю, что разговор о джазе, как и вообще о легкой музыке, не следовало бы вести, изолируя эти вопросы от вопроса отношения к музыке в целом, от вопросов воспитания хорошего, благородного и притом разносторонне развитого музыкального вкуса.

Я ХОЧУ остановиться только на двух проблемах, с которых мы обычно начинаем всякий разговор об искусстве. Это — проблема жизненной содержательности искусства и проблема его национальной формы. В качестве примеров возьму два выступавших на одном из наших концертов ансамбля: джаз-оркестр под управлением И. Вайнштейна и ансамбль «Дружба», руководимый А. Броневским.

Оба ансамбля «ищут». Да, это верно. Где ищет ансамбль «Дружба»? Ответить на этот вопрос очень легко: в окружающей жизни, в духовном мире советских молодых людей (то есть в своем собственном!), в советском песенном творчестве — в его содержании и в его форме. Где ищет джаз-оркестр под руководством И. Вайнштейна? И на этот вопрос ответить нетрудно: в импортных джаз-пластинках, на магнитофонных лентах с записями американского джаза.

Мы вместе с Д. Д. Шостаковичем были в одном музыкальном кабачке в Сан-Франциско, где выступал весьма популярный в США джаз Джулиана Эддерлея. Вот (судя, во всяком случае, по исполненной программе) идеал ленинградского джаз-оркестра. Ведь в нем нет ничего своего — все прокатное, все «импортное». И в репертуаре, состоящем в основном из слабых, творчески беспомощных сочинений самих участников оркестра, и в манере исполнения, в приемах импровизирования нет ничего своего, ничего оригинального, никаких признаков стремления найти пусть маленькую, но свою дорожку в искусстве. Ансамбль говорит о «свободе искусства», радуется за эту «свободу», но, бог ты мой, до чего же узкими рамками он себя ограничил!

Мне нравится ансамбль «Дружба». Я люблю его, хотя и вижу в нем недостатки. К этим недостаткам я прежде всего отнес бы злоупотребление внешним движением на эстраде. Порой кажется, что за этим кроется какое-то недоверие к исполняемой музыке. Но при этом я убежден, что любой слушатель с закрытыми глазами, даже если не расслышит слов в песнях, сразу же почувствует, что перед ним какая-то частица советской, а не какой-нибудь другой музыкальной культуры. Боюсь, что, прослушав, скажем, по радио без объявления джаз Вайнштейна, нам трудно будет сделать такое же заключение.

А теперь вспомним об оркестре, руководимом Леонидом Утесовым. Обычно, говоря о его оркестре, мы всегда называем два имени — Утесов и Дунаевский. И это понятно. Я сказал бы так: найдя Дунаевского, Утесов нашел и самого себя. Содружество двух талантливых музыкантов родило совершенно новую струю в советской музыке: джаз, основанный на советской массовой песенности. Это было ново и для нашей и для всей современной музыкальной культуры. Национальная форма проявляется в легкой музыке, как и во всех других областях музыки. В самом деле, мы же никог-

да не спутаем гибкий в своем движении, изящный французский вальс с подчеркнuto прямолинейным в своей танцевальной природе немецким вальсом, с поэтичным, образно-драматическим русским вальсом. Точно так же, конечно, мы без труда отличим негритянский джаз с его необузданным темпераментом от пронизанного своей национальной песенно-танцевальной стихией джаза испанского или рафинированного польского джаза.

Вопрос о национальной форме в легкой музыке, особенно в джазе, у нас иногда очень упрощается и даже искажается. Порой его сводят к искусственно придуманной дилемме: или Америка, или русская народная песня. Но зачем так ставить этот вопрос? Ведь и в советском песенном творчестве постепенно сформировался очень интересный, очень своеобразный, очень многослойный стиль. На заре своей жизни советская песня испытала влияния песен Великой французской революции, начиная от «Марсельезы» и «Интернационала». При своем рождении она питалась соками русской народной песенности. Постепенно в нее входили влияния музыкальных культур других народов Советского Союза. На определенном этапе она впитала в себя некоторые черты рабочих революционных песен Ганса Эйслера. Нельзя отрицать и того, что многие наши композиторы не остались глухи к тому действительно новому и интересному, что принес с собой и негритянский джаз, а позже и танцевальные песни народов Латинской Америки. И при всем этом советская массовая песня осталась сама собой.

В ОБЛАСТИ ПЕСНИ можно и нужно сегодня говорить об очень многом — и о том, о чем мы уже не раз говорили, и о кое-каких новых явлениях. Мне, например, представляется очень интересным и поучительным тот факт, что, несмотря на весьма распространенную точку зрения, будто бы народу, особенно молодежи, в первую очередь и чуть ли не исключительно нужны песни лирические, самыми популярными в последнее время оказались песни гражданского содержания.

Первой я хотел бы назвать песню Э. Колмановского на слова Е. Евтушенко «Хотят ли русские войны». Еще не так давно я очень энергично критиковал Колмановского за некоторые его песни, убежденно считая, что в них композитор сильно грешил против хорошего вкуса. Я знаю, какую хорошую школу прошел Колмановский, знаю, что у него самого вкус хороший, знаю, что он мог писать гораздо лучше. И вот песню «Хотят ли русские войны», песню собранную, мужественную, я считаю его несомненной удачей.

Одной из самых лучших наших песен последнего времени я считаю «Бухенвальдский набат» Вано Мурадели на слова А. Соболева. В этой песне в сложном, но очень органичном сплаве сочетаются и трагедийность, и героический подъем, и большая внутренняя теплота. Я много раз, конечно, слушал ее, но одно исполнение меня буквально потрясло. Это было нынешним летом в Артеке, в дни Всесоюзного слета пионеров. На берегу моря, на большой костровой площадке, амфитеатром поднимавшейся в горы, собрались три тысячи пионеров. К концу вечера, когда совсем стемнело, были погашены все фонари и на площадку вошел большой отряд артековцев с горящими факелами в руках. И вот тогда встали три тысячи ребят в пионерских галстуках и запели своими чистыми, звонкими голосами: «Люди мира, на минуточку встаньте!» И это потрясло до слез.

Но, разумеется, это ни в какой мере не умаляет роли и значения в нашем музыкальном быту и лирической песни. Таких песен по-прежнему пишется очень много, но хорошие среди них — тоже по-прежнему — встречаются не так уж часто. Удачной я хотел бы назвать песню А. Флярковского «Будь таким, как я хочу». В этой песне очень оригинальная, интересная и выразительная мелодика, с нерпостым, но очень естественным изгибом, тонко передающим поэтическое своеобразие стихов Р. Рождественского. Очень хорошо поет эту песню чудесная солистка ансамбля «Дружба» — Э. Пыха.

ОТНОШЕНИЕ к песне и легкой музыке должно быть таким же, как отношение ко всем другим ее областям. И на легкую музыку распространяются все принципы марксистской эстетики. И она не свободна от требований жизненной содержательности, художественной красоты и подлинного мастерства. Пусть существуют у нас самые разные типы эстрадного исполнительства, самые различные коллективы, в том числе и импровизационные джазы — важно то, чтоб они не прельщались легким, но бесперспективным путем подражательства зарубежным оркестрам, чтоб они никогда не забывали, что в любом жанре, в любой форме — они всегда и прежде всего составляют частицу великой советской музыкальной культуры и представляют эту культуру перед лицом всего мира.

24 НОЯ 1962

Звезда-приложение

г. Москва